

«ЧЕСТНЫЙ ЛАМБАРД» И «ГЕРМАНИСТИЧЕСКАЯ» КОНЦЕПЦИЯ ДРЕВНЕГО ПАРЛАМЕНТА

В статье рассматривается одна из концепций происхождения английского парламента, сформировавшаяся в эпоху правления Елизаветы I Тюдор (1558-1603) и нашедшая отражение в трудах яркого представителя тюдоровской исторической мысли Уильяма Ламбарда, юриста-антиквара, знатока англо-саксонских источников, на основании анализа которых он формулирует теорию общегерманских корней британской политико-правовой системы.

Ключевые слова: парламент, тюдоровская историческая мысль, юристы-антиквари, англо-саксонские законодательные памятники, парламентские статуты, уитенагемот, королевский совет, доктрина смешанной монархии.

Во второй половине XVI в. в среде английской политической элиты сложилась любопытная концепция истории парламента, который якобы зародился в «незапамятной древности», в отдаленные времена, когда еще не существовало письменности. Необходимо подчеркнуть, что этот миф был всецело продуктом елизаветинской эпохи. В первой половине XVI столетия в тюдоровской исторической мысли доминировали иные представления: ее зачинатель, итальянский гуманист Полидор Вергилий полагал, что первый парламент был созван Генрихом I в 1116 г. Эту точку зрения разделяли многие историки, в частности, Р. Холиншед в 1577 г. воспроизвел ее в своих «Хрониках Англии, Шотландии и Ирландии». С другой стороны, в XVII в. постепенно стали утверждаться представления, уже весьма близкие к современному, о том, что парламент зародился не ранее XIII в. Однако между этими двумя хронологическими полюсами пролегал отрезок времени, на котором почти безраздельно восторжествовал историко-политический миф об англо-саксонских и даже кельтских корнях этого учреждения. Его творцами были юристы-антиквари, участвовавшие в работе елизаветинского парламента, в частности, Джон Хукер¹ и Уильям Ламбард. В то время как Хукер лишь наметил общие контуры вышеупомянутой концепции, Ламбард наполнил ее конкретно-историческим содержанием и впервые попытался дать характеристику англо-саксонского парла-

мента как реально существовавшего института, опираясь на античные и раннесредневековые источники. В превращении этой теории в своего рода ортодоксию Ламбард сыграл главную роль, в силу того, что он пользовался у современников репутацией «короля антиквари-ев-юристов».

У. Ламбард (1536-1601) принадлежал к столичной предпринимательской элите, его отец, член компании торговцев тканями, был одним из олдерменов и шерифов Лондона [2-7]. Уильям получил университетское образование, предположительно в Колледже Иисуса в Кембридже, а затем продолжил изучение общего права в юридической корпорации Линкольнз-Инн, в которой позднее преподавал. С 1579 г. он входил в состав ее правления. Брак принес ему земельные владения в Кенте, где с конца 1570-х гг. он регулярно жил и исполнял обязанности мирового судьи.²

Уже в молодости Ламбард питал живой интерес к англо-саксонской истории, и сблизился с кружком любителей древности, сложившимся вокруг архиепископа Мэтью Паркера. Одним из его наставников в Линкольнз-Инн был известный историк Лоуренс Ноуэлл, собравший тексты древнейших англо-саксонских законов,³ и убедивший своего ученика заняться их переводом на латинский язык и комментариями. В 1568 г. увидела свет «Archaionomia» Ламбарда, первая публикация англо-саксонских законодательных памятни-

¹ О роли Хукера в формировании новой исторической концепции парламента см. [1, 279-301].

² Накопленный опыт работы в этом качестве он позднее обобщил в теоретическом трактате о происхождении должности и обязанностях мирового судьи – Eirenarcha: or of the office of Justice of the Peace (1581, 2-е изд. – 1588). Его записные книжки с заметками о казусах, разбиравшихся кентскими мировыми судьями и размышлениями по поводу их работы изданы К. Ридом [11]. О месте Ламбарда в традиции написания подобных наставлений см.: [12].

³ О вкладе Ноуэлла и Ламбарда в становление англо-саксонских штудий см.: [8. Рр. 46–73; 9. Рр. 79-82, 133-137].

ков с параллельным латинским переводом и примечаниями.⁴

Успех этого труда у юристов и читающей публики превзошел все ожидания, Ламбард снискал репутацию серьезного исследователя, что привлекло к нему внимание государственного секретаря У. Берли, большого любителя истории, и между ними завязалась регулярная переписка. Ему покровительствовал и другой член Тайного совета, канцлер герцогства Ланкастер, видный юрист, А. Кейв, благодаря которому антикварий, по-видимому, и был избран в парламент в 1563 г. от г. Олдборо.⁵

В ходе сессий 1563 и 1566 г. он зарекомендовал себя как убежденный протестант и человек с твердыми принципами, не побоявшийся поднять в палате общин вопрос о престолонаследии после недвусмысленного запрета королевы обсуждать эту тему [14, 216–40], из-за чего разразилась острая дискуссия о свободе слова в парламенте. К счастью, это не повлекло за собой серьезных последствий для Ламбарда, и он не подвергся опале, как прочие участники этой бурной сессии.

В конце 1560-начале 1570-х гг. Ламбард в течение некоторого времени пребывал на распутье, выбирая направление дальнейших исследований. Увлеченный историко-топографическими штудиями, он начал составлять алфавитный перечень всех населенных пунктов Англии и Уэльса, чтобы впоследствии дать их полное описание. В 1576 г. он опубликовал часть своих материалов, относив-

шихся к графству Кент [15]. Этот труд, циркулировавший в рукописях с 1570 г., и умноживший его славу как одного из лучших историков,⁶ не прошел незамеченным и для властей: при подготовке к королевскому визиту в Кент в 1573 г. У. Берли консультировался с Ламбардом, вырабатывая маршрут и программу посещения этого графства, в связи с чем штудировал полученные от антиквария материалы.⁷ Судя по одному из писем Ламбарда к лорду-казначею, сохранившихся в архиве последнего, в 1584 г. антикварий направлял ему исторические материалы, связанные с Линкольном и Стэнфордом, родным городом Берли, находившиеся в его распоряжении.⁸ Тем не менее, в дальнейшем Ламбард не пошел по пути историко-топографических изысканий. Познакомившись с рукописью «Британии» другого выдающегося историка, У. Кемдена, он признал, что тот лучше справился с задачей, которую наш автор ставил перед собой, и навсегда оставил замысел своего «Топографического словаря».⁹

В 1570-х гг. он выбрал иное направление исследований: историю общего права, английской судебной системы и парламента. Безусловно, личный опыт участия в работе последнего способствовал этому. Невозможно с точностью установить, когда именно Ламбард начал вести заметки относительно парламентской процедуры и обычаев, по-видимому, он занимался этим на протяжении всех 1570-х годов. Законченную форму они обрели к 1584 г.¹⁰ Это была первая

⁴ *Archaionomia, sive de priscis anglorum legibus libri, sermone Anglico, vetustate antiquissimo, aliquot abhinc seculis conscripti, atque, nunc demum...in lucem vocati. Guilielmo Lambardo interprete. L., 1568.* (Двумя экземплярами этого издания располагает Отдел редких книг РГБ.) Несмотря на множество фактических ошибок, неверных толкований и включение апокрифических текстов, это была поистине пионерская работа. Она заслужила похвалы таких авторитетных знатоков истории и приверженцев изучения англо-саксонского прошлого, как М.Паркер и Дж.Фокс, отзывавшихся об авторе как о «выдающемся муже» (*vir ornatissimus*) [3. P. 35].

⁵ Вопрос о том, был ли депутат от Олдборо знаменитым антикварием, или это другое лицо, вызвал споры, ввиду скудости и неопределенности сведений на этот счет. [5. Vol.I. Pp.76,78] В частности, биограф историка Рета Варнике полагает, что это были разные люди. [4. P.17]. Однако большинство историков придерживается мнения о том, что именно антикварий был депутатом в 1563-66 гг. Эта точка зрения убедительно обоснована в работе Джеймса Эслопа и Уэсли Стивенса: [13 Pp.233-265]. Обсуждение проблемы идентификации депутата от Олдборо – [13 P. 236-239].

⁶ Уильям Кемден воздал должное Ламбарду в предисловии к разделу, посвященному Кенту, в его собственном историко-топографическом трактате «Британия». Он назвал коллегу «человеком великой учености ...столь счастливым в его изысканиях, что после них мало что остается другим». [16, Vol. I. P. 307].

⁷ В архиве Берли есть письмо от Мэтью Паркера, не устававшего рекомендовать Ламбарда лорду-казначею, в котором он, направляя последнему ряд книг относительно Кента, и в их числе труд своего протеже, отзывался о нем как о «честном и весьма ученом обозревателе времен и истории» (*honest and well learned observer of tymes and histories*) – [22, F. 63-64]. Манускрипт Lansdowne 17/41, хранящийся там же, содержит полный текст трактата Ламбарда о Кенте.

⁸ В этом письме Ламбард в своей обычной скромной манере извинялся за то, что его записки, столь грубо скомпонованы, что если бы не данное им обещание, он бы не дерзнул представить их Берли – «I found amongst my papers, these few things of Lincoln wch I had observed in Hystorie: so rudelye tumbled together, as if my promise had not bound me, and your Honourable acceptacio (of things favouring of learning) emboldened me, I doest not have directed them towards you». [22, F. 44].

⁹ Тем не менее, подготовительные материалы к нему были опубликованы позднее как *Dictionarium Angliae Topographicum et Historicum. L., 1730.*

¹⁰ В оригинале они были озаглавлены «Some few notes of the Orders, Proceedings, Punishments, and Privileges of the Lower House of Parliament. Gathered by W.Lambard». Впервые «Заметки» были изданы анонимно в 1641 г., затем переизданы в начале девятнадцатого века в составе подборки трактатов, известной как «Харлейанская смесь» [17, Pp. 559-571]. В наши дни текст рукописного варианта, хранящегося в Эксетерском колледже в Кембридже, был опубликован Полом Уардом [18].

подборка современных исторических прецедентов, связанных с парламентской прерогативой. Несмотря на то, что «Заметки» не были опубликованы ни в XVI, ни в XVII в., их текст был хорошо известен и пользовался популярностью у юристов, государственных деятелей и парламентариев. Антикварий предпослал своему трактату краткую библиографию авторитетных, с его точки зрения, источников по истории парламента, среди которых на почетном месте стояли «старый трактат *Modus Tenendi Parliamenti*» (копию которого он получил в 1567 г. от Л. Ноуэлла)¹¹ и «книга Хукера о парламенте», что свидетельствовало о приверженности историка теории англо-саксонского происхождения этого института.¹² Впрочем, в данной работе автор не ставил перед собой задачу проследить истоки парламента. Он сделал это в другом масштабном труде, над которым работал на протяжении 1580-х гг., завершив его к 1591 г.

Трактат, названный «*Archeion*»¹³, был посвящен исследованию становления с одной стороны, английского общего права и судебной системы, с другой – королевской власти и ее прерогатив. Парламенту как одному из судов в нем отводилось важное место. Как и ряд других произведений Ламбарда «*Archeion*» не был опубликован при жизни автора (впервые его издал внук антиквария в 1635 г.), что не мешало ему пользоваться широкой известностью благодаря наличию рукописных списков.¹⁴ Одну из таких парадно оформленных копий автор преподнес в 1591 г. Роберту Сесилу по случаю его вхождения в состав Тайного совета, выразив этим даром признательность семейству Берли за многолетнюю дружбу и покровительство.¹⁵ Именно в этой работе Ламбард систематически изложил свои взгляды на историю происхождения парламента.

Однако прежде, чем перейти к их анализу, задержимся еще ненадолго на вопросе о статусе

текстов Ламбарда и причинах, по которым они вызвали доверие и пользовались неоспоримым авторитетом в парламентской среде. Безусловно, в основе лежала профессиональная репутация историка, сложившаяся уже после первой публикации им англо-саксонских законов. Но не стоит забывать и о том, что публичная карьера Ламбарда в 1580-90-х гг. развивалась по восходящей, не в последнюю очередь благодаря кругу его знакомств, возникшему еще во время обучения в Линкольнз-Инн. Среди его близких друзей были люди, достигшие со временем подлинных высот на государственной службе и ставшие парламентскими «тяжеловесами». Это Джон Пакеринг, спикер палаты общин в 1584 и 1586 гг., впоследствии – лорд-хранитель печати (1592-1596), и Томас Эджертон – королевский генеральный атторней, генеральный солиситор, хранитель свитков (1594-1603) и также лорд-хранитель с 1596 г.¹⁶ Эти люди, во многом разделявшие взгляды Ламбарда, были ведущими ораторами в обеих палатах парламента и главными «оркестровщиками» сессий. Друг молодости был для них экспертом и как профессиональный юрист, и как историк, к советам, знаниям и историческим коллекциям которого они неоднократно обращались. То же можно сказать и о других его патронах – членах Тайного совета, лорде Кобэме и лорде-казначее У. Берли. Последний в 1589 г. назначил Ламбарда своим заместителем в ведомстве, распоряжавшемся отчуждаемыми имуществами (*Alienation office*).

В архиве Уильяма Берли есть документ, свидетельствующий о том, что Ламбарда привлекали к редактированию правительственных биллей, которые предполагалось внести на обсуждение в парламенте. Это черновик акта о пресечении издания, продажи и распространения несанкционированной и вредной для государства печатной продукции, датированный 1580 г., с правкой, внесенной рукой антиквария

¹¹ В настоящее время принадлежавшая Ламбарду рукопись хранится в Британской Библиотеке: BL Cotton Domitian XVIII.

¹² Библиография важных трудов по истории парламента, составленная Ламбардом, циркулировала в списках как самостоятельный текст, по-видимому, вызывавший интерес. Одна из таких копий находится в Дублине – TCD MS 852. F. 17-47.

¹³ Современная публикация трактата выполнена Ч.Мак Илвейном и П.Уардом [20]. Однако автор пользовалась его первым изданием, на которое даются все ссылки ниже [19].

¹⁴ Их можно найти в фондах Бодлеянской Библиотеки в Оксфорде (Tanner MS 435), Фолджеровской Библиотеки в Нью-Йорке (MS 51121.1), в библиотеке Гарвардского университета (MS 68). Автору был доступен рукописный список, хранящийся в библиотеке Тринити Колледжа в Дублине (TCD MS 862. Ff.277-298). Интересно, что тот, кто выполнил копию или его заказчик, выбрал из текста трактата материал, преимущественно относящийся к парламенту, оставив без внимания главы о других судах.

¹⁵ В посвящении Ламбард отдает должное исторической эрудиции У.Берли, которого называет «прославленным Нестором» Англии (*renowned Nestor...of the English Country*). [4, P86].

¹⁶ О взаимоотношениях Ламбарда и Эджертона см.: [21. Pp. 201-203].

[22]. По-видимому, Берли, державший этот билль под контролем, не случайно поручил его редактирование убежденному протестанту, профессиональному юристу и одновременно автору, хорошо знакомому с миром издателей и печатников. В том же году по заданию Тайного совета антикварий занимался анализом законодательства, связанного с незаконными захватами имущества с кораблей, потерпевших кораблекрушения [23]. В 1588 г. члены Тайного совета привлекли его к работе авторитетной комиссии, состоявшей из барристеров четырех ведущих юридических корпораций, которой предстояло проанализировать весь корпус статуты королевства и наметить среди них подлежащие отмене [23. XVI, 416-417].

В 1592 г. с помощью Дж. Пакеринга антикварий получил высокий пост в Канцелярии (Master of the Chancery), что отныне позволяло ему выступать одним из юридических советников палаты лордов и служить связующим звеном между пэрами и палатой общин. В 1597 г. Эджертон назначил его своим заместителем в качестве хранителя свитков в Канцелярии¹⁷ (то есть в ведении Ламбарда оказался архив, включавший средневековые парламентские свитки – ценнейший источник для историка). А в 1601 г. он получил должность хранителя архива Тауэра (где располагался депозитарий более поздних по времени парламентских свитков). Таким образом, Ламбард имел ничем не ограниченный доступ к первоисточникам, что делало его уникальным специалистом в области парламентских прецедентов, к тому же и по долгу службы ему периодически приходилось заниматься анализом статуты королевства, принадлежавших разным эпохам.

Кульминацией карьеры Ламбарда как историка стала аудиенция, данная ему королевой Елизаветой в 1601 г. незадолго до смерти архивиста. К этому времени он закончил опись свитков, вверенных ему в Тауэре – «Pandecta Rotulorum», которую намеревался преподнести королеве через третье лицо. Но, отдавая должное ученому, Елизавета пожелала встретиться с ним лично. Назвав его «добрым и честным Лам-

бардом», она, по его словам, прижала преподнесенную ей рукопись к груди и заявила, что «не получала такого дара с тех пор, как унаследовала корону», и еще долго беседовала и престарелым и уже терявшим зрение антикварием, выясняя у него значение различных латинских юридических терминов [25, I, 493–530; 10, 72].

Таким образом, авторитет Ламбарда в парламентской среде зиждился на его репутации знатока англо-саксонского прошлого, владении источниками, в котором с ним не мог сравниться никто, и не в последнюю очередь – на его связях с сильными мира сего, прибегавшими к его экспертизе.

Как виделась Ламбарду история зарождения парламента в Англии? Корни этого института уходили, по его мнению, в англо-саксонские времена, более того, он был склонен находить их в традициях и установлениях общих для древних германцев в бытность их на континенте. Прообраз парламента антикварий видел в народных собраниях, описанных у Тацита. Свою точку зрения по этому поводу он выразил в одной емкой и безапелляционной фразе: «Не вижу, к какому еще времени я мог бы возвести его [парламент – О.Д.], кроме как к тому, когда германцы или англичане впервые вступили на эту землю, чтобы ее покорить, ибо Корнелий Тацит, писавший о нравах германцев, говорит следующее: «Nec Regibus infinita potestas, de minoribus rebus Principes consultant, de majoribus omnes».¹⁸ Из обычаев германских племен, которые не изменились после заселения Британии, историк выводит изначальную функцию парламента – давать совет правителю в делах особой важности. Таким образом, Ламбарду была чужда идея островной исключительности, он не был склонен отделять англо-саксов от прочих континентальных германских племен. Мысль о том, что общие для них обычаи и установления могли быть принесены в Англию извне не казалась ему недопустимой (как некоторым младшим его современникам, в частности, Э. Коку). Его можно с полным основанием причислить к «германистам» среди английских юристов общего права, не отрицавшим обще-

¹⁷ Эджертон, получивший пост лорда-хранителя печати в 1596 г., вынашивал планы реформирования Канцелярии. В этом Ламбард был его единомышленником и опорой, он высказался в пользу реформы в соответствующем разделе Archeion'a, посвященном канцлерскому суду. После смерти Ламбарда Эджертон отозвался о нем в 1608 г. как о «рассудительном и ученом наблюдателе древности» [24 Pp. 68-69, 218].

¹⁸ «Власть королей у них не безгранична. О менее важных вещах они советуются с вождями, о более важных – со всеми».[19. P. 246].

германских корней островной политико-правовой системы.

Вера Ламбарда в континуитет институтов, которые продолжали обеспечивать эту важную миссию, позволяет ему увидеть парламент в различных собраниях при англо-саксонских королях, в том числе, в церковных синодах. В разделе «Продолжение парламента до завоевания» он, ссылаясь на «Церковную историю народа англо-саксов» Беды, рисует картину постоянных совещаний англо-саксонских эгтархов со своими подданными, которые были для него тождественны парламентским ассамблеям. В подтверждение своей точки зрения он напоминает о том, как, решая вопрос о крещении своего народа, король Нортумбрии Эдвин собрал «друзей, знать и мудрых людей», а король восточных саксов Сигиберт в сходной ситуации выбора веры – «совет своих подданных», с согласия которых было принято христианство [19, 247].

Уже в совещательных органах эпохи эгтархии антикварий находит современную ему трехчастную структуру парламента: короля, лордов и общины, пытаясь доказать это на основе текстуального анализа формул в раннесредневековых законодательных актах. Так, по его мнению, в 712 г. король Уэссекса Инэ созвал парламент, состоявший из епископа, «элдерменов и старших среди мудрых этого народа, а также великого собрания служителей церкви» [19, 242]. Предвидя сомнения читателя, Ламбард предлагает разобраться, можно ли обнаружить в этой формуле присутствие трех парламентских сословий. Он полагает, что епископы (несмотря на то, что в тексте упомянут лишь один) и элдормены представляли знать, поскольку под последними подразумевались люди, управлявшие обширными территориями страны до того, как она была поделена на графства. Общинам же соответствовали «старшие из мудрых» и частично представители клира.

Из той же преамбулы к законам Инэ Ламбард делает еще один важный вывод: англо-саксонские синоды или советы обладали не только совещательной, но и законодательной функцией.¹⁹ Причем это умозаключение выводится из одного лишь местоимения «мы» в формуле, вво-

дившей эти законы в действие. Для Ламбарда это было убедительным доказательством того, что все перечисленные выше категории, участвовавшие в совете короля, выступали наряду с ним как законодатели, поскольку о себе Инэ говорил в этом тексте в единственном числе. Синоды-парламенты историк находит у Оффы Мерсийского и Этельберга Кентского, а также у Альфреда Великого, который создал свод законов своих предшественников, утвердив их на собрании своих «мудрых людей» [19, 251].

Текст Ламбарда, доказывающий наличие трех сословий в англо-саксонские времена, внутренне диалогичен, антикварий постоянно ведет воображаемую полемику с читателем-скептиком, стремясь убедить его в своей правоте. Что если за термином «мудрые люди» скрывается не ассамблея представителей всего королевства, а лишь небольшая группа близких советников короля, своего рода Тайный совет, вместе с которым он и принимает законы – вопрошает оппонент. По мнению Ламбарда, этих людей по праву можно было именовать королевским советом (*Wytena Gemote, Commune Consilium Regne, Common Councell of the Realm*), ибо они в полной мере обладали статусом советников. Но он отнюдь не был узким, на что, по словам историка, указывало вышеупомянутое пояснение о составе синода, данное самим королем Инэ [19, 252]. Так под пером Ламбарда синод или уитенагемот обрели черты не аристократического совета, а представительного собрания всех сословий. Автор методично прослеживает присутствие терминов «уитенагемот» и «синод» в текстах законов Альфреда, Этельстана, Эдмунда, Эдгара, Этельреда и Кнута, давая им расширительную трактовку и отождествляя с парламентом. [19, 254-257].

В подтверждение своей теории антикварий, разумеется, ссылается и на *Modus Tenendi Parliamentum*, относя его к англо-саксонской эпохе. При этом, походя, он делает интересное замечание, свидетельствующее о популярности этого трактата у его современников, говоря о нем как о тексте, который «можно увидеть в руках у многих».²⁰ Его вера в аутентичность *Modus'a* как англо-саксонского памятника,

¹⁹ «And lest that any man should think that these Estates were called together more for their advice and counsel to be given to the king, than for any authority or interest they had in making law...» [19, 250].

²⁰ «And there is an ancient written Treatise (entitled *Modus tenendi Parliamentum tempore Regis Edwardi filii Ethelredi*) to be seen in many hands, purporting the very order, forme, and manner of this stately Court, and solemne Assemblée» [19, 257].

обобщившего форму и порядок работы парламента как «высокого суда» и «торжественного собрания», была непоколебима.

Наряду с текстуальным анализом (каким бы малоубедительным он ни был) Ламбард прибегал и к рациональным доводам иного плана, доказывая континуитет парламента и его трехчастной структуры с древнейших времен. Он ссылался на множество современных ему захолустных городков, пользовавшихся, тем не менее, правом парламентарского представительства. Ламбард относил их упадок к периоду нормандского завоевания. Поскольку после него они не испрашивали у королей привилегии посылать депутатов в столицу и вообще не могли быть заинтересованы в этом ввиду их жалкого положения, историк связывал их участие в парламентах с более древней традицией, сложившейся еще в англо-саксонские времена. [19, 258] Внимание антиквара привлекло и то, что жители городов так называемого «старинного домена» английских королей (ancient Demesne) не посылают депутатов в парламент. Поскольку определение «старинный домен» встречается в Книге Страшного Суда (как Terra Regis), это, по мнению Ламбарда, означало, что именно Вильгельм Завоеватель или его предшественник Эдуард Исповедник ввели для них данное исключение, повелев не делегировать своих представителей на сессии парламента. А это в свою очередь доказывало, что «парламент существовал до завоевания, и люди из других мест посылали в него своих горожан» [19, 259].

Ламбард полагал, что после завоевания Англии нормандцами в существовании парламента наступила цезура. По его словам, когда говорит оружие, законы молчат («Silent leges inter arma»), а Завоеватель не вкладывал меч в ножны и не снимал руки с его рукояти. От местного населения требовали подчинения, а не совета. Тем не менее, уже Генрих I не только восстановил законы Эдуарда Исповедника, но и признал, что был коронован «общим советом баронов королевства Англии». Ссылаясь в этом месте на хронику Матвея Парижского, Ламбард задается риторическим вопросом о том, что стоит за этим термином и утверждает, что это был полноценный парламент, поскольку у германских народов термин «барон» был синонимом понятия «свободный человек». В былые времена «баронами» называли горожан Лондона, а

также жителей Пяти Портов. Таким образом, «общий совет баронов» это не что иное, как собрание знати и общин, сиречь парламент [19, 268]. В подтверждение тезиса о восстановлении полноценного парламента уже при Генрихе I Ламбард приводит мнение Полидора Вергилия и свидетельство хроники из аббатства Питерборо, сообщавшей, что в 1123 г. Генрих I созвал в Глостере всех своих епископов, аббатов и «тэнов» на уитенагемот. Подобные собрания прелатов, знати и народа антикварий прослеживает в правление королей Стефана, Генриха II, Ричарда I, Иоанна и Генриха III, постепенно приближаясь к тому моменту, который считается действительным истоком парламента в современной науке.

Не удовлетворяясь лишь свидетельствами исторических хроник, Ламбард приводит в подтверждение своей точки зрения другой источник – «подлинные записи парламента», то есть парламентские свитки, цитируя многочисленные формулы, вводившие в действие законодательные акты XIII века. По его мнению, в парламенте была принята среди прочего и Великая хартия вольностей. Несмотря на то, что по его словам, «великая Хартия Англии, которая исходила от короля...и за которую англичане сражались не меньше, чем троянцы за их Елену, не выглядит как акт парламента», антикварий взялся доказать, что она была таковым. В качестве доказательства он сослался на более поздний статут эпохи Эдуарда I, подтверждающий ее, в котором говорилось, что вышеупомянутая хартия была дана «королем, пэрами и общинами этой земли» [19, 266].

С середины XIII в. у историка уже не было недостатка в свидетельствах того, что короли Англии постоянно собирали своих прелатов, знать и общины. Такую возможность ему давали преамбулы и формулы введения в действие Мертонского, Вестминстерского, Глостерского и других статутов [19, 266-267].

В заключение своего исторического экскурса У. Ламбард еще раз настоятельно повторил для своего воображаемого читателя-скептика, который мог предположить, что два сословия парламента (лорды и общины) получили право голоса сравнительно недавно, лишь в XIII веке, а прежде король был единственным творцом законов, что это не так. «Ибо, если говорится, что они выработаны королем и его барона-

ми, или королем вместе с его духовными и светскими, или королем и его мудрыми людьми, великими и малыми, или с общего согласия или совета королевства, ...или его общим советом, или королем с его графами, баронами и другими мудрыми людьми – или употребляются сходные фразы, которые можно в обилии встретить в томах парламентских записей, все это указывает на одно, а именно, что король, его знать и общины утвердили и ввели их в действие» [19, 269]. Впрочем, антикварий не остановился на этом и пошел дальше, утверждая, что даже если в преамбуле закона говорится только о короле, вовсе не следует думать, что тот издал его без участия других сословий, упоминание о согласии которых может быть опущено, но всегда подразумевается [19, 269-271].

Из этого Ламбард не только делает вывод о постоянном участии обоих сословий наряду с королем в процессе законотворчества, но и выводит еще одно важное умозаключение. Поскольку их триединство неразрывно, ни одна норма, на которую не дало своего согласия хотя бы одно из парламентских сословий, не может иметь силы закона. Как явствует из приведенного вслед за этим утверждением примера, Ламбард прежде всего имел в виду обязательное согласие общин. При этом он сослался на казус времен Генриха VII, когда король и лорды осудили и обрекли на поражение в правах некое лицо, но судьи опротестовали это решение на том основании, что общины не давали на это своего согласия, следовательно акт о поражении в правах не получил силы закона [19, 272]. Пафос утверждения Ламбарда состоял в том, что без одного из сословий, труды двух других будут напрасны («without one of them, the rest doe but lose their labour»), следовательно, законотворчество невозможно без участия общин.

Ламбард проявлял интерес к этимологии термина «парламент», справедливо замечая, что слово было заимствовано из французского и принесено нормандцами,²¹ однако, по его мнению, это не ставило под сомнение существование древнего англо-саксонского парламента, поскольку новым термином стали называть давно существующий институт.²²

В своих попытках реконструировать древнейшую историю парламента Ламбард не пошел дальше англо-саксонского периода. Он не пытался строить предположения о том, можно ли найти прототип этого института у бриттов, и тем более не был склонен вдаваться в теоретические рассуждения о происхождении единоличной монархической власти или принципа представительства как таковых. При этом он, безусловно, стоял на позициях признания «смешанного» характера английской монархии, предпочитая делать акцент не столько на ограничении власти короля парламентом, сколько на гармонии монарха и парламента, составляющих единое политическое тело.²³ Для него суть английской «политии» состояла в том, что в союзе короля как главы, и баронов и общин как тела было воплощено все королевство, поэтому законы, принятые в парламенте, связывали всех подданных Англии. Такое единение Ламбард называл «естественным и гармоничным», прибегая одновременно к метафорам органического тела, микрокосма и вселенской гармонии для характеристики взаимодействия трех сословий парламента. Оно «естественно, потому что подобно естественному телу человека, справедливо именуемому малым миром, из трех отделов которого, а именно из головы, груди и утробы происходят и открываются все способности души; и гармонично, поскольку из подобного и хорошо настроенного сочетания басов, теноров

²¹ По мнению антиквария, сам термин, состоявший из двух компонентов «parler» и «ment», означал «говорить то, что думаешь», «parler la ment». Впрочем, он не был готов настаивать на этом, поскольку авторитетный в его глазах итальянский гуманист Лоренцо Вала не был согласен с такой этимологией. [19, 239-240].

²² “But at what time soever, after the Conquest, this Court began to be called y the name of Parliament, this is Certaine, that was before knowne to the Saxons, or Englishmen: sometimes by the word Synoth, and Micle, ... And sometimes by these termes, Micel-Gemot, Witena-Gemot, et Ealrawitena Gemot; that is to say, the great Meeting, the Meeting of the wise-men, or, the Meeting of all the wise men...” [19, 243].

²³ У Ламбарда был единомышленник в парламенте, который, разделяя его представления о древних истоках этого института, тем не менее, делал акцент на том, что он возник не по воле короля, а вырос из обычаев народа, то есть определенно склонялся к договорной теории происхождения английской смешанной монархии. Это был видный юрист и опытнейший парламентарий Уильям Флитвуд, лондонский мировой судья, чей трактат «Сообщение и мнение...относительно происхождения судов» в 1570-х годах распространялся во множестве копий. По-видимому, Флитвуд не только хорошо знал труды Ламбарда, но написал трактат, в котором полемизировал с некоторыми из его положений. Предположительно, он назывался «Observations on Lambard's Archeion», и о существовании его рукописи известно со слов современника, некоего Энтони Вуда, который видел манускрипт в составе коллекции, выставленной на продажу. Однако в настоящее время оригинал не найден, и нет никаких сведений о копиях, снятых с него. [26. Pp. 431-433].

и дискантов проистекает великолепнейшее звучие и нежная мелодия» [19, 245].

Так, усилиями выдающегося антиквария, принадлежавшего к палате общин, в значительной мере сформировался миф о зарождении парламента в англо-саксонскую эпоху и его континуитете с непродолжительной цезурой в период нормандского завоевания, после которого прежняя политическая традиция была восстановлена. Будучи патриотом и «саксонистом», Ламбард, тем не менее, не был сторонником островного изоляционизма и не настаивал на уникальности местной политической системы, находя параллели английским парламентам у самых разных народов (евреев, греков, римлян, германцев). Мысль о том, что английские порядки являлись частью общего германского наследия и были занесены с континента, была сформулирована Ламбардом со всей определенностью.

Уильям Ламбард не ставил вопроса о том, как с исторической точки зрения соотносились между собой генезис монархического принципа управления и появление парламента на Британских островах. Был ли он эманацией королевской власти или, напротив, предшествовал ей? Этот момент оставался неясным, из текстов следовало лишь, что германские племена, переселившиеся с континента, принесли с собой оба института уже в достаточно развитой форме.²⁴ Это представляется не случайным: споры о соотношении монархии и парламента, древности их происхождения, прерогативах, и о понятии суверенитета еще не стали для антиквариев актуальными в той мере, в какой будут в начале XVII в. Их историческая концепция была лишена полемичности и политически нейтральна, в ней отсутствовало «конституционное напряжение», возникшее позднее в ходе конфликта парламента с первыми Стюартами.

В принципе Ламбарду была не чужда идея эволюции парламента: он признавал, что этот институт принимал на протяжении веков различные формы и был известен под разными названиями (синода, уитенагемота, королевского совета, общего совета королевства и т. д.), менялась и конфигурация его палат (от единой к двухпалатной структуре), но это были лишь

внешние характеристики этого органа. Значительно важнее было то, что парламента существовал неизменно. Неизменной виделась автору и структура общества, представленного в парламенте, а также функции последнего. Экстраполяция воззрений, сформировавшихся под воздействием настоящего, на прошлое вела к тому, что и социальная структура и исторические институты иных эпох оказывались в восприятии антиквариев практически тождественны современному. Прошлое, таким образом, теряло свое особое лицо, свободно преодолевая границы с настоящим и растворяясь в нем.

Среди основных функций парламента наш автор в первую очередь выделял необходимость обеспечить совет королю в делах государственной важности, однако не менее важной представлялась ему и его законотворческая функция. Естественно, отмечалась и судебная функция парламента, однако она оставалась на заднем плане.

Идея корпоративного характера законотворчества в Англии чрезвычайно важна для историка. За ней угадывается доктрина смешанной монархии, которую он, по-видимому, разделял, хотя в данном случае антикварий предпочитал оставаться на почве конкретно-исторических рассуждений, не углубляясь в политическую теорию. Важнейшей составляющей его построений стал тезис о присутствии уже в парламентах древности трех элементов – короля, лордов и общин – в неразрывном единстве, и о необходимости согласия каждого из них при принятии законов.

Несмотря на навыки критического анализа источников, присущие антикварному направлению в целом, доводы и построения Ламбарда были весьма наивными и малоубедительными, хотя в сравнении с порой, совершенно бездоказательных утверждениями Хукера, подход Ламбарда выглядел гораздо более аналитичным. Он делал выводы, располагая солидной базой источников, включающей античных авторов, раннесредневековые исторические сочинения, Книгу Страшного Суда, а также тексты королевских хартий и парламентские свитки. Ламбард одним из первых привлек формулы жалованных грамот, хартий и законодатель-

²⁴ Ламбард рассматривал историю парламента на широком фоне, его интересовало не только становление английской системы общего права, но и зарождение королевской прерогативы. Показательно, что, по его мнению, последняя обладала не меньшей древностью, восходя к до-нормандским временам, то есть прошлое обеспечивало легитимность не только парламента и прочим институтам общего права, но и монархии, и их общие корни, переплетаясь, уходили в незапамятные времена.

ных актов в качестве главного аргумента в пользу существования парламентов в до-нормандскую эпоху, вооружив им юристов будущих поколений. Тем не менее, ни внимательный текстологический анализ, ни подчас остроумные рациональные доводы не позволили «королю антиквариетов» избежать модернизации изучаемых им явлений, поскольку изначально заданная концепция древности парламентов довле-

ла над историком, всецело завладев его воображением. Однако, как бы несостоятельны ни были подобные методы исследования прошлого и интерпретации источников, они казались убедительными и бесспорными не только нашему автору, но и большинству его современников, в особенности тем, кто, так или иначе, был причастен к деятельности парламента.

31.08.2010 г.

Список литературы:

1. Дмитриева О.В. «Усердный антиквариет» Джон Хукер и рождение англо-саксонского парламента // Диалог со временем. Вып. 27. М., 2009.
2. Lambarde M. The Lambarde Diary // Miscellanea Genealogia et Heraldica. Vol.II. L., 1876.
3. Dunkel W. William Lambarde, Elizabethan jurist, 1536–1601. New Brunswick. 1965.
4. Warnicke R. M. William Lambarde, Elizabethan antiquary, 1536–1601. L. – Chichester. 1973.
5. The House of Commons. 3 vols. /Ed. by P. W. Hasler. L., 1981.
6. Kelley D.R. History, English Law and the Renaissance // Past & Present. Vol.65. 1974.
7. Ferguson A.B. Clio Unbound. Perception of the Social and Cultural Past in Renaissance England. Durham (North Carolina). 1979.
8. Flower R. Laurence Nowell and the discovery of England in Tudor times // Proceedings of the British Academy. Vol. 21. L., 1935.
9. Evans J. A History of the Society of Antiquaries. Oxford. 1956.
10. McKisack M. Medieval History in the Tudor Age. Oxford. 1971.
11. William Lambarde and local government: his 'Ephemeris' and 'Twenty-nine charges to juries and commissions' / Ed. by Read C. Ithaca, N.Y., 1962.
12. Putnam B.H. Early Treatises on the Practice of the Justices of the Peace in the Fifteenth and Seventeenth Centuries. Oxford, 1926.
13. Aslop J.D., Stevens W.M. William Lambarde and the Elizabethan Polity // Studies in Medieval and Renaissance History
14. Aslop J. D. Reinterpreting the Elizabethan Commons: the parliamentary session of 1566 // Journal of British Studies. Vol. 29. 1990. Pp. 216–40.
15. Lambarde W. A Perambulation of Kent. Bath. 1970.
16. Camden W. Britannia. L., 1806. Vol. I.
17. Harleian Miscellany. 12 vols. L., 1808-1811. Vol. IV. L., 1809.
18. Ward P.L. (Ed.) William Lambarde's Notes on the Procedures and Privileges of the House of Commons (1584). L., 1977.
19. Archeion, or A Discoverse Vpon the High Courts of Ivstice in England. Composed by William Lambard, of Lincolnes Inne, Gent. L., 1635.
20. Lambarde W. Archeion / Ed. by Mc Ilwain C.H., Ward P.L. Cambridge (Mass.). 1957.
21. Heltzel V.B. Notes: Sir Thomas Egerton and William Lambard // The Huntington Library Quarterly. Vol. XI. 1948.
22. BL Lansdowne MS 43/76. Ff. 186-188.
23. Acts of the Privy Council of England / Ed. by Dasent J.R. L., 1890-1907. Vol. XII.
24. Knafla L.A. Law and Politics in Jacobean England: The Tracts of lord Chancellor Ellesmere. Cambridge. 1977.
25. Randolph J. J. Memoirs of William Lambarde, esq; an eminent lawyer and antiquary / Bibliotheca Topographica Britannica. Ed. by Nichols J. 8 vols. (1780–90, Kraus reprint, N. Y., 1968).
26. Ward P. L. William Fleetwood and Lambarde's 'Archeion' // Notes and Queries. Vol. 223. 1978.

Сведения об авторе: Дмитриева Ольга Владимировна, доцент кафедры истории средних веков исторического факультета МГУ им. Ломоносова, кандидат исторических наук
119991, г. Москва, ГСП-1, МГУ, Ломоносовский проспект д. 27, корп. 4, тел. (495)9393551,
e-mail: ovdmit@list.ru

Dmitrieva O.V.

«HONEST LAMBARDE» AND «GERMANISTIC» CONCEPT OF ANCIENT PARLIAMENT

The author examined one of the concepts of the origin of English parliament, which was formed in the epoch of the administration of Elizabeth I Tudor (1558-1603) and been reflected in the works of the bright representative of the Tudor historical thought William Lambard, a lawyer, expert of the anglo-saxon sources, on the basis analysis of which it formulates the theory of the German people's roots of British political-law system.

The key words: parliament, Tudor historical thought, lawyer, anglo-saxon legislative monuments, parliamentary statutes, witenagemot, royal council, the doctrine of the mixed monarchy.